

Лев Гумилев

Открытие Хазарии

ФТМ

Лев Гумилев

Открытие Хазарии

«ФТМ»

Гумилев Л. Н.

Открытие Хазарии / Л. Н. Гумилев — «ФТМ»,

«Открытие Хазарии» – известная книга Льва Николаевича Гумилева, в которой исследуется история зарождения, расцвета и загадочного исчезновения с карты Евразии могущественного соседа и соперника Древней Руси – Хазарского каганата. В приложениях представлены: эссе «Зигзаг истории» (1987), а также статьи «Сказание о хазарской дани» (1974) и «Трагедия на Каспии в X веке» и «Повесть временных лет» (1988), близкие по тематике к исследуемой проблеме.

© Гумилев Л. Н.

© ФТМ

Содержание

Введение	5
Глава первая	10
Разговор первый (с М. И. Артамоновым)	10
Путешествие 1959 г. Первая неудача	13
Разговор второй (с В. Н. Абросовым)	16
Разговор третий (с А. А. Алексиным)	19
Глава вторая	20
Цель и средства	20
Дельта	21
Степи	23
Пустыня	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лев Николаевич Гумилев

Открытие Хазарии (историко-географический этюд)

Мысли и чувства автора, возникшие во время пятилетнего путешествия по Хазарии, как в пространстве, так и во времени, или биография научной идеи. Написана в 1965 г. н. э., или в 1000 г. от падения Хазарского каганата, и посвящена моему дорогому учителю и другу Михаилу Илларионовичу Артамонову.

Введение

Читатель, исторически образованный, знает, что хазары были могучим народом, жившим в низовьях Волги, исповедовавшим иудейскую веру и в 965 г. побежденным киевским князем Святославом Игоревичем. Читатель – историк или археолог – ставит множество вопросов: каково было происхождение хазар, на каком языке они говорили, почему не уцелели их потомки, каким образом они могли исповедовать иудейство, когда оно было религией, обращение в которую запрещалось ее же собственными канонами, и, самое главное, как соотносились между собой собственно хазарский народ, страна, им населенная, и огромное Хазарское царство, охватывавшее почти всю Юго-Восточную Европу и населенное многими народами?

В числе подданных хазарского царя были камские болгары, буртасы, сувары, мордва-эрзя, черемисы, вятичи, северяне и славяне-поляне. На востоке это царство граничило с Хорезмом, т. е. владело Мангышлаком и Устюртом, а значит, и всеми степями Южного Приуралья.

На юге пограничным городом был Дербент, знаменитая стена которого отделяла Закавказье от хазарских владений. На западе весь Северный Кавказ, Степной Крым и причерноморские степи до Днестра и Карпат подчинялись хазарскому царю, хотя их населяли отнюдь не хазары, а аланы, касоги (черкесы), печенеги и венгры, еще не перебравшиеся на свою теперешнюю территорию.

Но границы государства почти никогда не совпадают с границами расселения того народа, который это государство создал. Они бывают то уже, то шире, в зависимости от военных успехов или неудач. Очерченная нами территория была границей царства, а где жил сам хазарский народ – письменные источники не указывают.

Больше того, раскопанная профессором М. И. Артамоновым крепость на Дону, которую он отождествил с Саркелом, одной из хазарских крепостей, упомянутой и в русских летописях, и в византийских хрониках, не имеет археологических остатков, которые бы можно было отнести непосредственно к хазарам [6, с. 27 и след.]. В дохазарское время здесь было аланское поселение, после хазар – русский город Белая Вежа, а во время расцвета хазарского могущества – крепость, гарнизон которой состоял из трехсот наемных воинов, сменявшихся ежегодно [51, с. 20]. Могила вокруг крепости принадлежит кочевникам – гузам или печенегам, очевидно служившим в хазарском войске [65, с. 153 и след.]. И в других местах, где побывали археологи, памятники хазарского времени относятся к подданным хазарского царя, а не к самим хазарам. Поэтому все, что известно историкам, касается хазарского государства в целом, но территория, где жил хазарский народ, отнюдь не совпадает с границами всей империи хазарского кагана¹.

¹ Хаган, или каган, – начиная с III в. титул царя у тюрко-монгольских кочевых народов.

Название «хазары» было известно уже первому русскому летописцу, автору «Повести временных лет», и с тех пор оно упоминалось в русской исторической литературе неоднократно. Однако кто такие хазары и что такое Хазария – никто толком не знал, потому что, в отличие от прочих народов, имевших предков и потомков, у хазар ни тех, ни других не было обнаружено. Больше того, народность, в течение почти целого тысячелетия обитавшая в такой хорошо изученной местности, как междуречье Волги, Дона и Терека, где, согласно всем летописным источникам, помещался Хазарский каганат, почему-то не оставила после себя никаких археологических памятников. Хазары, как и все прочие люди, ели и пили и, конечно, били посуду, а где же черепки – материал, всегда являющийся первой находкой археологов? У хазар было два крупных города: Итиль на Волге и Семендер на Тереке – а где их остатки? Хазары умирали – куда девались их могилы? Хазары размножались – с кем слились их потомки? И наконец – где располагались поселения хазар, те самые «села и нивы», которые киевский князь Олег, по словам А. С. Пушкина, «обрек мечам и пожарам». Это все долго оставалось неизвестным!

Обычно территорию, на которой обитал когда-то какой-либо народ, подлежащий изучению, находят без труда. Иногда бывают споры об определении границ области расселения и времени заселения тех или иных местностей, но это детали все той же проблемы. Зато восстановление истории народа встречается с разнообразными и не всегда преодолимыми трудностями. При разрешении хазарского вопроса все получилось как раз наоборот.

Соседние народы оставили о хазарах огромное количество сведений, иногда совпадающих, а иногда исключаящих друг друга. Византийские греки заключали с хазарами союзы и посылали к ним православных миссионеров; персы и арабы воевали с хазарами, но мусульманские купцы имели в хазарских столицах собственные кварталы; русские из Киева и Чернигова платили хазарам дань обоюдоострыми мечами, а собравшись с силами, в 965 г. прошли насквозь Хазарию, рубя такими же мечами хазарские головы.

Писали о хазарах армяне и грузины, испытывавшие бедствия от их вторжений. Но, пожалуй, документом, дающим самые исчерпывающие сведения о хазарском народе, было письмо хазарского царя Иосифа в Испанию к сановнику халифа Абдрахмана III, Хасдаи ибн Шафруту, написанное в середине X в.

На основе этих многочисленных документов мой учитель и друг, профессор Михаил Илларионович Артамонов написал капитальную работу «История хазар», но география этой страны по-прежнему оставалась в первобытном состоянии. Таким образом, усугубилась странная диспропорция: мы легко можем прочесть, какие победы одерживали хазары и какие поражения они терпели, но, как было уже сказано, о том, где они жили, каковы были их быт и культура, представления не имеем.

Один из русских просветителей XVIII в., Н. И. Болтин, писал: «При всяком... шаге историка, не имеющего в руках географии, встречается протыкание», и «неоспоримо есть, что история и география взаимное друг другу делают пособие, то есть одна другой неясности и недостатки уясняет и пополняет» [цит. по: 89, с. 274–275]. Для политической истории это аксиома! Для того чтобы уяснить ход той или иной битвы, в ряде случаев следует учитывать такие, на первый взгляд второстепенные, подробности, как, например, рельеф местности и время года (так как известны случаи, когда невылазная грязь задерживала атакующий строй); отсутствие источников воды, заставлявшее менять позиции; наличие холмов или оврагов, препятствующих построению войск. Еще важнее представлять себе всю область, через которую наступают или отступают войска. Знания карты местности слишком мало. Если это пустыня или залитая водой речная долина, то по карте не определишь ее истинного характера, а на местности, рассматриваемой под определенным, интересующим нас углом зрения, все детали бросаются в глаза.

Затем, ландшафт всегда определяет вид и способы хозяйства. Длинный спор о том, были ли хазары кочевниками или земледельцами, решился бы, если бы стало известно, где располагались их поселки: в сухих степях, окружающих нижнее течение Волги, или в речных долинах? Но при разрешении этого вопроса следовало учитывать и то, что на протяжении двух тысячелетий ландшафт не оставался неизменным. Причин этого явления существует такое же множество, как и попыток их определения. Одно ясно – менялся характер увлажнения, а следовательно, передвигалась береговая линия Северного Каспия, где суша плавно переходит в мелкое море.

Равным образом степи в периоды засух превращались в песчаные пустыни с высокими барханами и глубокими котловинами выдувания, а во влажные периоды они зарастали степными травами и зарослями тамариска, превращаясь в рай для пастухов и их овец. Соотношение сил между степняками и жителями речных долин менялось и чувствительно отражалось на истории Нижнего Поволжья.

И еще – известно по описаниям путешественников, что Хазария активно торговала с Персией, Хорезмом и Византийской империей на юге, с Русью, Великой Болгарией и Великой Пермью (Биармией скандинавских саг) на севере. Но как проходили с юга на север персидские купцы, менявшие серебро на драгоценные меха? Шли ли они через бесплодные пустыни Приаралья или плыли через бурные каспийские воды, с тем чтобы подняться вверх по Волге? В обоих случаях есть «за» и «против», да и неясно, не менялись ли маршруты за долгие годы существования Хазарского каганата: в годы его величия и в годы глубокого разложения? А где располагались перевалочные пункты, цветущие города Итиль и Семендер, в которых купцы и путешественники отдыхали в зеленых садах и запасались пищей для второй половины нелегкого пути?

Наконец, почему мужественные русы на своих легких ладьях до начала X в. не трогали Хазарию и не бороздили зеленые волны Каспийского моря? Ведь в Черном, Северном и Средиземном морях они появились на сто лет раньше. И как случилось, что в XIII в., когда хазар еще видел итальянский монах Плано Карпини, страна Хазария стала никому не известной землей? И... но пока довольно! Мы очертили круг вопросов, на которые история самостоятельно ответить не может, уступая свое поприще исторической географии.

Хотя источники по хазарской истории были известны давно и изучались весьма тщательно, мнения ученых об их культуре, языке, территории, образе жизни не были единодушны. Крайние точки зрения были сформулированы знаменитым ориенталистом середины XIX в. В. В. Григорьевым и нашим современником – академиком Б. А. Рыбаковым. Первая концепция, высказанная в 1834 г., исходя из сведений арабских источников VIII – X вв., только что попавших в исторический обиход, идеализирует Хазарский каганат: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную, цветущую торговлю и постоянное войско.

Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор, ярко блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования» [69, с. 66]. Отсутствие «следов существования» действительно заставляет усомниться в выводе В. В. Григорьева.

Последний раз хазары упомянуты в XIII в. среди народов, покорившихся хану Батю [67, с. 46, 57, 72]. Эта эпоха уже хорошо известна. Не только арабские купцы и русские летописцы, но и итальянские монахи-миссионеры, наблюдательные и образованные, описывали с разных точек зрения природу и население прикаспийских степей, в том числе и хазар. Но они всегда как-то обходили вопрос о хазарской территории, на которой должны были сохраниться памят-

ники материальной культуры. Мало этого, культурное развитие всегда связано с письменностью, у всех соседей хазар – греков, армян, персов, арабов, русских – существовала развитая литература, а от хазар остались лишь три эпистолы, написанные на еврейском языке [50]. И так ли уже хорошо было устроено у хазар правление, если одного похода русского князя оказалось достаточно для полного разгрома великой державы? И куда мог исчезнуть народ, пользовавшийся благами торговли и содержавший постоянное войско? Нет, тут что-то не так.

Диаметрально противоположна точка зрения Б. А. Рыбакова. Он называет Хазарию «небольшим полукочевническим государством» «паразитарного характера», жившим за счет транзитной торговли, «хищнически пользуясь выгодами своего положения». Он помещает центр Хазарии в калмыцкой степи и указывает, совершенно правильно, что там нет «археологических следов хазарских городов» [72, с. 131]. Там их действительно нет.

Самое интересное, что скепсис Б. А. Рыбакова базируется на тех же самых источниках, что и восторженность В. В. Григорьева. Это отнюдь не свидетельствует о неумении ученых пользоваться сведениями древних авторов, но нельзя не признать, что поскольку возможны столь различные заключения, то, значит, имеющихся источников недостаточно.

С Б. А. Рыбаковым согласиться невозможно, ибо еще до того, как торговля пошла по волжскому пути, хазары уже имели сильное и отнюдь не наемное войско, спасшее в 627–628 гг. императора Ираклия от разгрома. «Паразитарно» процветать могла только правящая верхушка, а кроме нее был народ, живший за счет собственного хозяйства и продолжавший существовать после 965 г., т. е. после уничтожения каганата. Наконец, отсутствие археологических памятников в степях говорит только о том, что их надо искать в другом месте.

В отличие от В. В. Григорьева и Б. А. Рыбакова М. И. Артамонов рассматривает историю хазар в динамическом становлении. Он тщательно выделяет «городской» период, когда правящая верхушка Хазарии, чуждая народу по крови и религии, богатели за счет торговли, опираясь на наемных гвардейцев-туркмен. Равным образом он констатирует, что кочевой быт, описанный в «Хазарско-еврейской переписке», был связан с обычаями ханского рода, принадлежавшего к тюркской династии Ашина, не оставившей своих традиций. Этот автор оставляет открытыми все неясные уже перечисленные нами вопросы о хазарском народе, так как имевшийся в его распоряжении материал не давал ему оснований для категорических суждений. Поэтому М. И. Артамонов отмечает: «До сих пор точно не установлено местонахождение главнейших городов Хазарии – Итиля и Семендера, неизвестны их вещественные остатки. Не обнаружены не только могилы хазарских каганов, но, вообще, неизвестны собственно хазарские погребения» [7, с. 412].

Иными словами, до сих пор не была открыта территория, на которой жил собственно хазарский народ, хотя довольно точно были известны границы Хазарского каганата.

Этими тремя концепциями, по существу, исчерпаны варианты решений хазарской проблемы. Несмотря на обширную литературу вопроса, все прочие мнения либо могут быть сведены к одной из трех изложенных концепций, либо лежат в промежутках между ними. Большая же часть сочинений посвящена частным вопросам хазарско-византийских, хазарско-русских, хазарско-арабских отношений или уточнению отдельных хронологических деталей и не имеет каких-либо концепционных обобщений.

Поэтому разбор этих работ мы не приводим, отсылая читателя к книге М. И. Артамонова [7, с. 7–37].

А как разобраться в этом читателю-неспециалисту, если он вдруг захочет узнать не о большой и долговременной научной полемике, а о самих хазарах? Если даже в массе книг и статей среди многих точек зрения есть одна верная, то неподготовленный читатель не сможет отличить ее от других, ложных. Единственный способ помочь ему – это провести его, как Вергилий вел Данте, за руку по всем дебрям мнений и сомнений, неудач, заставляющих ученого

бросать проторенные пути исследований и успехов, окрыляющих и толкающих вперед, дав таким образом читателю возможность составить собственное мнение.

Так и построена эта книга. Она – биография научного открытия. Поэтому в ней равное место уделено описанию предмета и способа исследования, археологическим находкам и встречам с коллегами, кропотливому изучению истории и мыслям, возникшим на первый взгляд случайно, «но оказавшимся плодотворными», детальным отчетам о маршрутах и впечатлениях от красот природы.

Все это смешивается и сливается в едином процессе исторического синтеза, и никогда нельзя сказать, что оказалось наиболее важным для постижения истины: изучение ли источников в подлинниках или переводах, чтение ли исторических работ современных ученых, описание ли черепков и бус с древних городищ как под горячим южным солнцем, так и в тишине кабинета, а может быть, это беседа с ученым другом, специалистом в другой области, делившимся своими знаниями, или собственная ассоциация, родившаяся из долгого размышления наедине с собой.

Да не посетует на меня читатель, что в этой книге будет рассказано не только о хазарах и их стране, но также и о маршрутах и прочитанных книгах, о моих спутниках и собеседниках, о спорах и их решениях и даже обо мне самом.

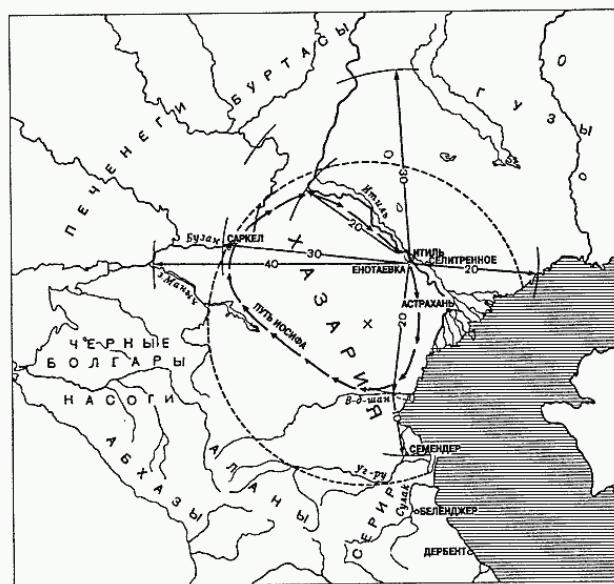
Глава первая Поиски Итиля

Разговор первый (с М. И. Артамоновым)

В один из весенних дней 1959 г. я вошел в читальный зал библиотеки Эрмитажа и увидел профессора М. И. Артамонова, рассматривающего карту калмыцких степей. «Сколько километров в фарсах?» – мрачно спросил он меня. Я припомнил общепринятую величину – 5,5 км, но профессор буркнул: «Не выходит» – и пригласил меня к карте. Дело заключалось в следующем. Хазарский царь Иосиф в письме к Хасдаи ибн Шафруту описал ежегодную летнюю перекочевку своего двора. Весной он выезжал из своей столицы Итиль, расположенной на берегу Волги, и двигался на юг к реке В-д-шан. Затем он перекочевывал на север, очевидно избегая летней жары в засушливых прикаспийских районах, но двигался не домой, а к реке Бузан, отождествляемой с Доном, и оттуда возвращался к себе в Итиль, находившийся в 20 фарсах от Бузана [50, с. 103]². Тут же царь Иосиф сообщает расстояния от своей столицы до границ своего царства: на восток до Гирканского, т. е. Каспийского, моря – 20 фарсахов, на юг до реки Уг-ру – 30 фарсахов и на север до уже упомянутой реки Бузан и «до склона нашей реки к морю Гирканскому», т. е. до сближения излучин Дона и Волги в современном месте Волго-Донского канала, – 20 фарсахов. Таким образом, все расстояния исчисляются от столицы Итиля. Следовательно, для того чтобы найти место столицы, М. И. Артамонов построил на карте треугольник, упиравшийся вершинами в реки Дон (Бузан), Волгу (Итиль) и Терек (Уг-ру), с длиной сторон, пропорциональной заданным расстояниям.

Однако установленная длина фарсаха – 5,5 км противоречила его построению. Если принять эту длину за основу и опереть вершины треугольника на Дон и пусть даже не на Терек, а на Куму и Маныч, то столица Хазарского каганата должна оказаться в степи Северной Калмыкии, около Сарпинских озер. Это одно противоречило источникам, помещавшим Итиль на берегу Волги, а кроме того, пропадала большая река В-д-шан, находившаяся на 10 фарсахов севернее пограничной реки Уг-ру [72, с. 141–145. Ср.: 7, с. 385–390]. Задача казалась неразрешимой, и именно это заставило моего учителя задуматься.

² В краткой редакции письма расстояние от Бузана до столицы Хазарии – Итиля – 30 фарсахов [50, с. 81–83].

Хазария в X в. (по данным письма царя Иосифа)

И тут у меня внезапно вспыхнула далекая ассоциация. В молодости, еще в 1932 г., мне довелось работать в Таджикистане малярийным разведчиком. Работа заключалась в том, что я находил болотца, где выводились комары, наносил их на план и затем отравлял воду «парижской зеленью». Количество комаров при этом несколько уменьшалось, но уцелевших вполне хватало для того, чтобы заразить малярией не только меня, но и все население района. Однако я извлек из этой работы максимальную пользу, потому что освоил глазомерную съемку и разговорный таджикский язык. Так как при определении расстояний мне неоднократно приходилось обращаться к местным жителям, то я волей-неволей усвоил среднеазиатскую меру длины – чакрым. Определить длину чакрыма в метрах было невозможно: он был то длинный, то короткий, но в вариациях наблюдалась строгая закономерность. Если идти в гору или по болоту – чакрым короткий, если с горы или по хорошей дороге – длинный, а все прочие величины располагались между этими лимитами. Собственно говоря, чакрым был мерой не длины, а усилий, которые человек должен был затратить, чтобы достигнуть цели. Нельзя не признать, что такая система отсчета была очень удобна для местных жителей, хотя совершенно непригодна для картирования. И тут мне пришла в голову мысль, что таджикский «чакрым» не что иное, как персидский «фарсанг» (арабизированная форма – фарсах), и тогда следует учитывать не абстрактную длину, а проходимость путей-перекочевков. Длина фарсаха высчитана европейцами в условиях пересеченного рельефа Иранского плоскогорья, а в прикаспийских степях, гладких как стол, она должна быть куда больше. Мы тут же прикинули расстояния, построили треугольник, и оказалось, что при длине хазарского фарсаха 10 км река Уг-ру – Терек, река Бузан – Дон, В-д-шан – Кума, а Итиль должен находиться на одном из берегов Волги между селами Енотаевкой и Селитренным.

Оставалось последнее: доказать, что фарсах действительно не определенная мера длины, а приблизительная, зависящая от рельефа и состояния дорог. В европейской литературе указаний на это нет, но дело было спасено персидским романом XIX в. «Путешествие Ибрагим-бека», написанным Зейн аль-Абидина Маргаи. Там описываются впечатления европеизированного перса-патриота, жившего в Александрии и посетившего родину своих предков. Он описывает Персию весьма мрачными красками, но среди прочего есть сентенция, что, мол, персидские арбакеши такие дикари, что даже расстояний мерить не умеют: и длинная и короткая дорога у них составляет «один фарсанг» [см. 57, с. 194]. Это соображение помогло решить вопрос, и вскоре М. И. Артамонов предложил мне ехать на берег Волги и отыскивать там сто-

лицу Хазарии, место которой он рассчитал с достаточной точностью. Я с восторгом согласился, и экспедиция была намечена на сентябрь 1959 г.

Согласно описаниям арабских и персидских географов [сводку сведений об Итиле см.: 88, с. 255–261] и письму царя Иосифа [50, с. 84–86, 102], Итиль был большим городом, располагавшимся на длинном, узком острове и обоих берегах Волги. С правым берегом остров был соединен мостом, а на левый нужно было переправляться на лодке. Размеры города у разных авторов разные и довольно неопределенные. Однако все подчеркивают, что город был обширным и многолюдным, хотя кирпичных зданий, за исключением ханского дворца, не было. Указано, что в городе было много деревьев, а стену, окружавшую город, сравнивали даже со стеной Ургенча [7, с. 394–397]. С одной стороны, количество признаков и авторитетных свидетельств как будто вполне достаточно, но с другой – непонятно, как мог такой памятник остаться незамеченным, когда даже остатки деревень не могут укрыться от острого глаза археолога.

Берега Волги населены густо, и если бы город располагался там, то, вероятно, был бы давно найден. И все-таки соображения М. И. Артамонова были столь убедительны, что для проверки их поехать на место, казалось, необходимо.

Путешествие 1959 г. Первая неудача

В начале сентября 1959 г. из Ленинграда выехала Астраханская археологическая экспедиция в составе: Лев Николаевич Гумилев – начальник экспедиции, Иштван Эрдеи и Василий Дмитриевич Белецкий – сотрудники экспедиции. В Москве к экспедиции примкнул студент-дипломник исторического факультета МГУ Андрей Николаевич Зелинский. Мы приняли его на должность рабочего и были потом очень рады, так как он оказался дельным работником и хорошим товарищем.

Как истые «полевики», мы начали вести свои первые наблюдения еще из окон астраханского поезда. Ранняя северная осень со слякотью и моросящими дождями осталась позади, как только мы переехали Волгу. Яркая голубизна неба как-то особенно гармонировала с палевой желтизной иссохших трав, припудренных тонкой пылью. Странно, но ни блеклость трав, ни пыль не казались ни скучными, ни безрадостными. Все было насквозь пропитано солнцем: и трава, и пыль, и меланхолические верблюды, и ветлы – мощные ивы с бледно-зелеными узкими листьями, трепетавшими под слабым дуновением ветерка. Степные травы намного калорийнее и питательнее свежей зелени северных болотистых лугов, и для прокорма стад домашних и диких животных их хватало. Тут я стал учиться «читать ландшафт» – искусство, определившее дальнейшую судьбу экспедиции.

В Астрахани мы задержались только до парохода, утром 8 сентября высадившего нас на пристани села Енотаевки, на правом берегу Волги.

Необходимо отметить, что Волга, текущая до Волгограда единым могучим потоком, после того как она поворачивает на юго-восток, растекается на два русла: западное – собственно Волга и восточное – Ахтуба. Между обоими руслами лежит длинная полоса суши, заливаемая при весенних половодьях. Этот зеленый остров, покрытый лугами и купами ив, резко дисгармонирует с сухой степью правого берега Волги, где на растрескавшейся коричневой, суглинистой почве торчат только редкие кустики чахлой растительности. И все-таки все деревни расположены на высоком берегу Волги, потому что весенние паводки уничтожили бы любое строение, воздвигнутое в пойме. Поэтому мы не обратили внимания на чарующую зелень противоположного берега и направили маршруты на север, юг и запад, надеясь обнаружить остатки крепостных валов Итиля или по крайней мере черепки посуды, разбитой хазарскими женщинами.

Но мы не нашли ничего! Даже особенностей рельефа, отвечавшего описанию арабских географов. За три дня работ стало ясно, что на правом берегу Волги хазарской столицы не было³.

Но это еще не было неудачей! Для дальнейших поисков надо было перебраться на другую сторону, но переезд по прямому направлению был невозможен. Ширина поймы в этом месте – 18 км, а дорог через пойму нет. Пришлось спуститься на автобусе до села Сероглазка, переправиться на лодке через два протока: Волгу и Кирпичный ручей и добраться до автомобильной дороги на левом берегу Ахтубы.

Здесь мы попали словно в совершенно другую страну. Песчаная пустыня простиралась на восток; высокие барханы подступали к берегу реки и высились, как горы, недалеко от обна-

³ Проверка подтвердила первоначальное заключение. Современный берег Волги образовался недавно, путем подмыва. Тысячу лет назад здесь была суглинистая степь с нерасчлененным рельефом. Ни остатков поселений, ни даже черепков от разбитой посуды вокруг Енотаевки не было обнаружено. Больше того, когда на следующий год мне удалось снова проехать мимо этого села, в обресте невысокого бугра были обнаружены обнажившиеся кости человека: скелет был зачищен и оказался сарматом-воином, при нем были железный меч и сосуд. Если бы над ним стоял большой город, то наземное погребение не сохранилось бы до нашего времени. Можно быть уверенным, что Итиль помещался не здесь. Ниже, у села Сероглазка, где берег подмыт меньше, была найдена разнообразная керамика в береговом обресте и котловинах выдувания. Это место было населено в древние времена, но ни стен, ни остатков зданий не обнаружено, а конфигурация рельефа не отвечает описанию Итиля.

женных склонов и обрывов прибрежных холмов, омываемых рекой. Здесь не было девственной пустоты Калмыцкой степи, наоборот – безлюдье дышало древностью. Это чувство, знакомое каждому опытному археологу, невозможно описать или передать. Присутствие находок ощущается всей поверхностью кожи, но это не всегда те находки, ради которых археолог отправился в путь. Нам попадались в изобилии красные, хорошо прожженные черепки сосудов, сделанных на гончарном круге, иногда с лазоревой или зеленой поливой. Это были следы татарских поселений XIII–XV вв. – окраины роскошной столицы ханов Золотой Орды – Сарая Батухана⁴.

Этот город – одна из столиц Восточной Европы – был огромен. Остатки домов встречаются на 5 км вглубь от реки и почти на 7 км вдоль берега Ахтубы. Большая часть зданий была разобрана еще в XVI в., и кирпичи пошли на постройку Астраханского кремля. Ныне сохранились только фундаменты, развалины да огромные сосуды типа амфор, вкопанные в землю и служившие хранилищами зерна. Мы тщательно обследовали весь берег Ахтубы, но следов хазарской или хотя бы дотатарской, грубой, лепной, плохо прожженной керамики тюрок VII–X вв. не нашли. Однако той уверенности, которую мы обрели на правом берегу Волги, тоже не появилось. Пески, перевеваемые ветрами, не могут удержать на поверхности осколки керамики. Она неизбежно проседает до твердого грунта и покоится под барханами. Иногда ветер раздувает глубокую котловину, и там можно найти просевшие черепки; но это дело случая. Может быть, рядом, метрах в пяти или десяти, есть скопление черепков, которые пролили бы свет на наши вопросы, а может быть, и там ничего не лежит – ведь под горой песка ничего не видно. Поэтому нельзя было сделать даже отрицательного заключения, т. е. вообще никакого, а это хуже всего. И тогда, в отчаянии от неудачи поисков, я сел на берегу реки и задумался. Мне показалось нелепым, что люди без большой нужды будут жить на высоком берегу, куда было так тяжело таскать из реки воду. Ведь гораздо удобнее жить около воды, на другом берегу Ахтубы, где в широкой пойме на зеленом лугу росли невысокие удивительно живописные ивы. Неужели вся пойма затопляется во время весенних половодий? Разве нет там высоких мест, пригодных для жизни? А всегда ли река так высоко поднималась, как теперь? И тут я принял решение, совершенно несообразное с точки зрения нормальной археологической разведки, – начать поиск города в пойме, где за последние 200 лет никто не построил ни одного дома, потому что каждую весну через эти великолепные луга прокатываются бушующие волны Волги.

Председатель сельсовета любезно разрешил экспедиции воспользоваться его рыбачьей лодкой, и мы, преодолевая неожиданно быстрое и мощное течение, переправились на левый берег Ахтубы и пошли вверх по течению, тщательно исследуя каждый метр земли.

Первое, на что мы наткнулись, был довольно высокий песчаный холм, на вершине которого стоял домик – птицеферма. Дом был в хорошем состоянии, и, значит, половодья ему не вредили. Самое интересное было все же не это, а то, что холм был эолового происхождения. Песок, образовавший его, был перенесен ветром из-за Ахтубы и почему-то выпал на одном только месте. Это могло быть лишь в том случае, если некогда на месте холма стояла стена или другая преграда, за которой образовывалось воздушное завихрение, куда опускался песок, во всех других случаях уносимый ветром дальше на запад. Отметив это, мы двинулись вверх по течению Ахтубы.

На наше счастье, в 1959 г. водой наполнялось Волгоградское море и уровень Ахтубы был ниже обычного. Поэтому ниже невысокого яра обнажилась широкая (около 20 м) полоса и сам яр просматривался, как на геологическом разрезе. Наверху, над яром, были найдены только обычные татарские черепки, но на обсохшей полосе начали попадаться лепные, грубые,

⁴ Первый Сарай (дворец), построенный Батыем, лежит около села Селитренного; второй, построенный ханом Берке, – выше по Волге.

плохо обожженные черепки IX–XI вв. Не было никакой возможности определить, как они там оказались: были ли перетащены водой? Осели ли они вместе с берегом? И вдруг – находка: черепок IX–XI вв. торчал из подмытого берега, точно датируя слой, в котором он лежал. А над ним 2,3 м речных наносов, образовавшихся, следовательно, за последнюю тысячу лет, потому что просесть через плотную аллювиальную глину маленький черепок не мог. А если так, то все наши поиски на поверхности бесплодны, ибо интересующий нас горизонт находится на глубине 2,3 м. Нам оставалось только одно – обследовать рельеф этого участка и определить, соответствует ли его конфигурация средневековым описаниям местности, где лежала столица Хазарии.

Напомню древнее описание: длинный остров с дворцом кагана, протока на западе настолько узкая, что через нее можно перекинуть мост, и широкая река на востоке. А что мы видим в исследуемом нами участке? Вдоль правого берега Ахтубы тянется высокая гряда, на нижнем конце которой описанный нами песчаный холм – птицеферма, а на верхнем – урочище «Мартышкин лес», незаливаемое даже при высоких паводках. Ширина гряды ныне около 70 м, но в прошлом она была шире, так как Ахтуба ежегодно ее подмывает. Эта гряда ограничена ныне с запада сухим руслом неширокой (около 50 м) древней реки. Когда река текла, перекинуть через нее мост можно было и средствами VIII в. Ахтуба, ограничивающая гряду с востока, широка, и переезжать ее можно только на лодках. Песчаный холм возник на месте разрушенного каменного строения, а прочие постройки из дерева и войлока в нынешней пойме были уничтожены волнами реки при поднятии ее уровня, о чем свидетельствует 2–3-метровый слой аллювиальной глины.

Если город был тут, то он уничтожен без остатка, и даже находка черепка в слое берегового обреза – счастливая случайность. Вместе с тем нигде по течению Ахтубы, вплоть до дельты, другой подходящей или даже похожей конфигурации рельефа нет. Это было установлено нами в следующем, 1960 г., когда сам характер и методика поисков радикально изменились. Итак, мы нашли место, где некогда стоял Итиль, но где не осталось даже его развалин.

И все-таки ни один археолог не счел бы экспедицию удачной. Полагается возвращаться не с соображениями или выводами, а с вещами, скелетами и планами городищ. А тут ценной находкой был только один черепок, вынутый из слоя. По этой ниточке надлежало либо распутать сложный узел хазарской проблемы, либо признать свою неудачу и больше не ездить в низовья Волги.

Разговор второй (с В. Н. Абросовым)

По возвращении из экспедиции я познакомился с огромной хазароведческой литературой, сплетением несовместимых точек зрения и более или менее необоснованных выводов⁵.

Ясно было одно – хазарских памятников никто не находил, и где их надо искать – неизвестно.

Но наука развивается не только в тиши кабинета и в суматохе экспедиций. Там научные идеи только проверяются и наносятся на бумагу. Самое важное – это научное общение ученых разных специальностей, беседа, во время которой между собеседниками вспыхивают искры взаимопонимания, от которых загораются костры плодотворных исследований. Такая искорка вспыхнула в глазах гидробиолога и лимнолога В. Н. Абросова, когда он услышал о датировке нижневолжского аллювия керамикой X в. «Ты сам не понял значения твоей находки!» – воскликнул он и поведал мне свою концепцию, которой для полноты воплощения не хватало только одного – твердой хронологии. Заключалась она в следующем [1].

Теплый и влажный воздух приносится к нам циклонами с Атлантического океана. Он течет по ложбине низкого атмосферного давления между двумя барометрическими максимумами: полярным и тропическим. Над Северным полюсом висит тяжелая шапка холодного воздуха. Она ограничивает с севера путь циклонов, стремящихся на восток. Над Сахарой также высится атмосферная башня, образовавшаяся за счет вращения Земли, но, в отличие от полярной, она подвижна. Соответственно степени активности солнечной радиации тропический максимум расширяется к северу и сдвигает ложбину низкого давления, по которой движутся на восток циклоны, причем смещение циклонических путей выражается многими сотнями и даже тысячами километров [17].

Возможны три комбинации увлажнения.

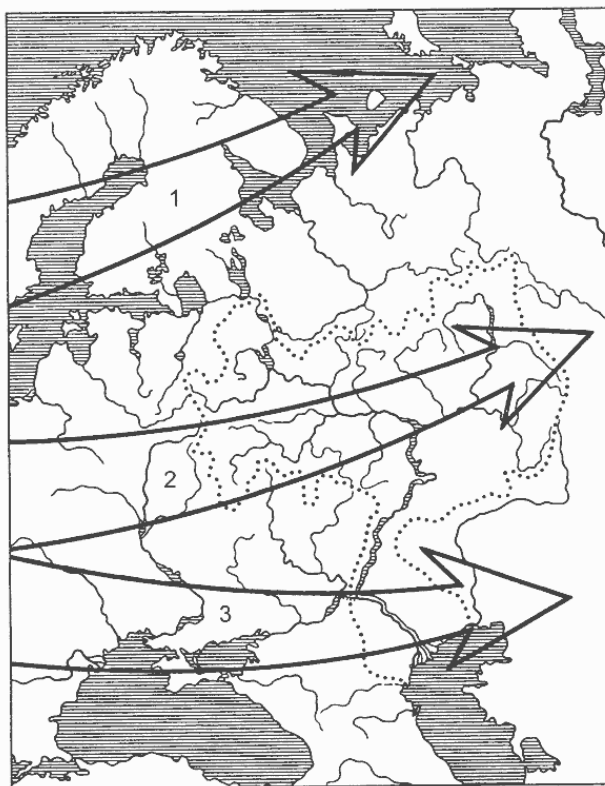
1. При относительно малой солнечной активности циклоны проносятся над Средиземным и Черным морями, над Северным Кавказом и Казахстаном и задерживаются горными вершинами Алтая и Тянь-Шаня, где влага выпадает в виде дождей. В этом случае орошаются и зеленеют степи, зарастают травой пустыни, наполняются водой Балхаш и Аральское море, питаемые степными реками, и сохнет Каспийское море, питаемое на 81 % водами Волги. В лесной полосе мелеют реки, болота зарастают травой и превращаются в поляны; стоят крепкие, малоснежные зимы, а летом царит зной. На севере накрепко замерзают Белое и Баренцево моря, укрепляется вечная мерзлота, поднимая уровень тундровых озер, и солнечные лучи, проникая сквозь холодный воздух, раскаляют летом поверхность земли. (Раз нет облаков – инсоляция огромна.) Это, пожалуй, оптимальное положение для развития производительных сил во всех зонах Евразийского континента.

2. Но вот солнечная деятельность усилилась, ложбина циклонов сдвинулась к северу и проходит над Францией, Германией, Средней Россией и Сибирью. Тогда сохнут степи, мелеют Балхаш и Арал, набухает Каспийское море, Волга превращается в мутный, бурный поток. В Волго-Окском междуречье заболачиваются леса, зимой выпадают обильные снега и часты оттепели; летом постоянно сеет мелкий дождик, несущий неурожай и болезни.

3. Солнечная активность еще более возросла – и вот циклоны несутся уже через Шотландию, Скандинавию к Белому и Карскому морям. Степь превращается в пустыню, и только остатки полузасыпанных песком городов наводят на мысль, что здесь некогда цвела культура. Суховеи из сухой степи врываются в лесную зону и заносят ее южную окраину пылью. Снова мелеет Волга, и Каспийское море входит в свои берега, оставляя на обсыхающем дне слой черной липкой грязи. На севере тают льды Белого, Баренцева и даже Карского морей; от них

⁵ См., например: 40, 59. В обеих книгах дана огромная библиография.

поднимаются испарения, заслоняющие солнце от земли, на которой становится холодно, сыро и неуютно. Отступает в глубь земли вечная мерзлота, и вслед за нею впитывается в оттаявшую землю вода из тундровых озер. Озера мелеют, рыба в них гибнет, и в тундру, как и в степь, приходит голод.

Местоположение циклонического центра действия атмосферы в Европе: 1 – северное; 2 – среднее; 3 – южное.

Пунктиром обозначены границы бассейна Волги.

Какова продолжительность этих периодов смен наибольшего увлажнения – вот вопрос, на который следовало ответить. Для этого нужно было найти ту среду, которая бы, во-первых, чутко реагировала на изменение погоды, а во-вторых, имела бы точные хронологические даты. Первому условию удовлетворяет биосфера. При увлажнении пустыни наступают на степи, а склоны гор превращаются в выжженные солнцем пространства. Эти явления хорошо выражены на стыках ландшафтных зон: на границах степи и пустыни, тайги и степи, тундры и тайги. Установить их наличие было легко, последовательность – возможно, но точных дат взять было неоткуда.

И тут я предложил моему другу рассмотреть с этой точки зрения историю кочевых народов. Они живут исключительно натуральным хозяйством, за счет природы. Овцы и кони питаются травой, количество которой зависит от выпадающей влаги.

Поскольку численность стад определяет богатство и могущество кочевников, а даты расцвета кочевых держав известны за две тысячи лет, то мы можем обратным ходом мысли восстановить природные условия минувших эпох.

Всю ночь просидели мы над составлением хронологических таблиц, на которые наносили эпохи расцвета и упадка кочевых держав Великой степи, а к утру получили первый вариант смены климатических условий с точностью, при которой допуск равнялся примерно пятидесяти годам. Оказалось, что продолжительность климатических периодов исчисляется двумя – пятью веками.

Но какое значение имела эта климатологическая концепция для чисто исторической задачи – поисков древней Хазарии? Решающее! Ведь если черепок хазарского времени перекрыт наносами, то, значит, бурное увеличение водосбора Волги, а следовательно, и поднятие уровня Каспийского моря произошли позже гибели Хазарского каганата. Значит, ландшафт низовий Волги был иным и хазарские памятники следует искать не на высоких берегах, а в пойме и дельте Волги. Там никто еще хазар не искал, потому что считалось, что на низких местах, подверженных половодьям при высоком уровне Каспия, жизнь людей была невозможна. А историки исходили из того, что уровень Каспия падает неуклонно и, следовательно, в VI в. был гораздо выше, чем в XX [72, с. 141]. В. Н. Аброров посоветовал мне всеми силами добиваться поездки в дельту, потому что там есть так называемые бэровские бугры (они названы в честь впервые их описавшего крупного русского естествоиспытателя Карла Бэра), которые не покрывались водой при любом поднятии Каспия в послеледниковое время. Что это за возвышенности, я еще тогда не знал, но, вняв совету, отправился в Географическое общество на доклад о генезисе бэровских бугров и познакомился там с докладчиком, геологом А. А. Алексиным. Эта встреча определила судьбу хазарской проблемы.

Разговор третий (с А. А. Алексиним)

Александр Александрович Алексин двадцать лет был горным инженером-практиком и все эти годы мечтал о научной работе. Наконец он стал начальником отряда Южной геологической экспедиции Академии наук, исследовал неотектонику нефтеносных районов прикаспийских степей и был совершенно счастлив. Научные открытия сделались его страстью, а природная наблюдательность и опыт полевой работы обеспечивали успех его исследований. Но ему тоже, как и В. Н. Абросову, не хватало точных хронологических дат для определения скорости геологических процессов, поэтому он ухватился за возможность найти их с помощью археологии. Минувшим летом он объездил большую часть дельты Волги и степи вокруг Каспийского побережья. Он рассказал мне о курганах на берегу дельтовых протоков, об огнях, горящих над могилами, заброшенными в пустой степи⁶, о находках скелетов в береговых обрезах и черепках битой древней посуды, которые он не считал достойными внимания, но которые интересовали меня больше всего.

Мы условились совершить совместный маршрут, вернее, мне было предложено попутешествовать на машине геологов, попутно делая наблюдения и сборы, а работу мы условились написать совместно, когда результаты исследований окажутся в наших руках. А. А. Алексин в этом не сомневался, а я робко надеялся, не желая искушать судьбу.

Надо было еще уговорить начальство, а это было не просто, так как экспедиция минувшего года рассматривалась как неудача. Но М. И. Артамонов, выслушав мои соображения⁷, покачал седой головой и дал мне двухмесячную командировку в Астраханскую область.

⁶ Это оказались могилы мусульманских мулл на выходах подземного газа, подожженного верующими казахами. Надписи на могилах, сделанные четким арабским шрифтом, давали точную дату – начало XX в.

⁷ А я сказал следующее: «О, Михаил Илларионович! Когда Шлиман искал Троя, исходя из описаний Гомера, он был на правильном пути. Но у него был исчерпывающий и надежный источник, несмотря на то, что он написан гекзаметрами, а не академическими наукообразными штампами. А что имеется в нашем распоряжении? Только куча противоречивых упоминаний, большая часть которых имеет весьма серьезный вид, но при ближайшем рассмотрении оказывается обработкой слухов и древних сплетен в форму, приличествовавшую науке того времени. Позвольте начать поиски сызнова и с другого конца. Охватим Хазарию со всех сторон и будем сжимать кольцо окружения до тех пор, пока добыча не окажется в наших руках. Не нужно дорогостоящих экспедиций. Пустите меня одного с путевым дневником и компасом, а в остальном положимся на то, что гипотезы иногда подтверждаются».

Глава вторая

Путешествие в широком пространстве

Цель и средства

Чем шире цель, тем легче в нее попасть, но что делать, если нужно попасть в определенную точку? Моя задача заключалась не только в том, чтобы побывать в Хазарии, но и в том, чтобы доказать, что это действительно Хазария; иными словами, я должен был найти памятники, достаточно убедительные для моих полных скепсиса коллег. Еще не умея полностью отрешиться от классической методики археологической разведки, я предполагал, что наткнусь на место, где окажутся хазарские погребения или поселения. Как выяснилось через два месяца, я был прав и не прав.

18 августа 1960 г. А. А. Алексин приветливо встретил меня в Астрахани, и новая экспедиция началась.

На этот раз полевое оборудование было просто великолепно. В нашем распоряжении оказались нивелир и карты, палатка и спальные мешки с раскладушками, машина с шофером Федотычем и примус со стряпухой Клавой. А для передвижения по протокам дельты у нас была прекрасная моторная лодка. Капитан ее – Михаил Александрович Шуварин, до конца принимавший участие в работах экспедиции, заслужил нашу искреннюю благодарность за четкость, находчивость и исполнительность, а также за сочувствие нашей работе. Его знанию лабиринта протоков дельты экспедиция в значительной мере обязана своими успехами.

А. А. Алексин предложил вместо детальных поисков в одном месте провести широкую рекогносцировку всей области, где могли быть хазарские памятники. В этом плане был элемент риска. Если бы и на этот раз экспедиция вернулась без находок, а только с наблюдениями, то на третью поездку не пришлось бы рассчитывать. И тем не менее мы рискнули, наметив четыре маршрута: на юг, в дельту до моря; на север, вдоль берега Волги до Саратова; на запад, в калмыцкие степи, и на восток, в Рын-пески, с тем чтобы попутно обследовать площадь, обсохшую в последние годы из-за отступления и обмеления Каспийского моря. Оставалось надеяться, что на этой широкой площади удастся найти хазарские памятники.

Дельта

Первое чувство, которое испытывает путник, попавший из сухих степей Астраханской области в любой из многочисленных протоков дельты Волги, – удивление. Трудно даже представить себе, как не похожи эти географические районы друг на друга.

Когда спускаешься от Астрахани, то сначала по обеим сторонам протока расстилаются зеленые луга, но вскоре на берегах появляются цепочки зарослей ивы, нежно шуршащие серебристыми листьями. Ниже они сменяются стенами высокого камыша⁸ или зарослями чåkана, похожего на древние мечи, с остриями, поднятыми к небу. А вечером солнце тонет в прозрачной глади протоков, и кажется, что вся толща воды пронизана багряными лучами заката.

Ландшафт живет. То и дело плещется крупная рыба. На мелководье у берегов стоят внимательные цапли. В затонах плавают стаи уток. Иногда в камышах слышен шелест – это пробирается кабан, единственный зверь, для которого заросли – не препятствие. А над всем этим очарованием вздымаются продолговатые бэровские бугры, на сухих вершинах которых расположились островки настоящей полупустыни с колючими кустами перекати-поле.

На склонах бугров и возвышенностях стоят поселки русских и казахов. Оба эти народа давно живут совместно, уважают друг друга, вместе ездят на рыбную ловлю и пасут на заливных лугах стада коров и конские табуны. Невольно напрашивается вопрос – не так ли жили в древности хазары? Ведь в этих местах другого способа жизни просто не придумаешь. Но нам нужны были находки.

Курганные насыпи на протоке Бушме действительно напоминали древний могильник, но, как оказалось при выяснении путем шурфовки, это были просто выкиды со дна реки при углублении фарватера. На Сизом бугре⁹, недалеко от поселка Зеленги, мы наткнулись на казахское кладбище. Глубокие могильные ямы были не засыпаны, а прикрыты досками и соломой и обнесены глинобитной оградой. Но этот факт был бы интересен этнографу, а не археологу. Надписи на памятниках, сделанные арабским шрифтом исключительно четким почерком, давали точные даты погребений, а именно – XX в. н. э.

Мы выехали в море через Беленский банк, и нашим глазам открылись плоские острова и водная гладь, глубиной по колено. Птицы купались то в прогретой пресной воде, то в лучах ослепительного солнца. Рыбы оставляли среди водорослей серебристые, мгновенно исчезающие следы. Мы ходили по древней земле Хазарии на 28–29 м ниже уровня Мирового океана¹⁰, но находок не было, а где их искать – было неизвестно.

На обратном пути мы подъехали к крохотной деревушке, приютившейся на склоне бугра Степана Разина. Навстречу нам вышел приветливый казах и с улыбкой пригласил гостей в дом. Мы выпили чаю, переночевали и утром пошли осмотреть вершину бугра, украшенного высоким триангуляционным пунктом. И тут мы были вознаграждены за все волнения, комариные укусы и бесплодные маршруты по пустым буграм. Под восточным склоном бугра был построен маленький кирпичный завод. Глину добывали, стесывая оконечность бугра, так что к нашему приезду образовался отвесный обрыв высотой 20 м. Заглянув вниз, я увидел, что из обреза торчат остатки человеческих костей. Археологический нож был при мне, и я немедленно начал расчистку. Мой спутник А. А. Алексин и наши любезные хозяева принесли лопату, быстро сделали веник и, уже не помню через какое время (я его не замечал и не считал), мы увидели скелет мужчины, лежавший на спине. У правого бедра был небольшой железный нож, на месте

⁸ Так здесь называют тростник.

⁹ В дельте Волги каждый бугор имеет свое название.

¹⁰ Некоторые впадины Азии лежат ниже уровня моря, принятого за нуль. Поэтому высотные топографические отметки здесь идут со знаком «минус».

левого уха – серьга – бронзовое колечко, а в изголовье великолепный сосуд с рифлением и лощением, не похожий ни на какие известные до сих пор. Ноги были срезаны обрывом.

Грани времени захоронения были точны: железный нож исключал даже эпоху бронзового века, не говоря уже о неолите; татарский обряд погребения хорошо известен и совсем иной, нежели обнаруженный нами; значит, верхней датой будет XIII в. Остается первое тысячелетие н. э., а в дельте Волги в это время жили именно хазары. Сосуд по характеру изготовления следовало датировать VII–IX вв., а скорее, просто VIII в., ибо относящиеся к тому же роду, хотя и отличающиеся в деталях сосуда неоднократно находили на Дону¹¹ и датировка их не подвергается сомнениям. Итак, в наших руках оказался хазарский череп, и места для сомнений не оставалось.

Остальную часть пути до Астрахани я провел как бы в тумане. Что бы ни сулила и как бы ни обманула оставшая часть отпущенного нам времени, о неудаче теперь не могло быть и речи. Хазарин был найден.

¹¹ Так называемая салтовская культура [см.: 7, с. 35, приведенная литература].

Степи

Закончив маршрут в дельте, мы пересели на машину и двинулись в степи. Нам предстояли три дороги. Первая шла на север, вдоль правого берега Волги; этот маршрут был, собственно говоря, вызван требованиями геологии, но мы хотели попутно установить если не наличие, то хотя бы заведомое отсутствие хазарских памятников на территории, вне всякого сомнения, входившей в Хазарский каганат. Второй маршрут – юго-западный – проходил через калмыцкие степи и Черные земли до самого берега Каспийского моря. Третий маршрут был намечен на восток, в полупустыни и сыпучие пески Заволжья.

Для того чтобы выполнить такую большую программу за единственный месяц – сентябрь, остававшийся в нашем распоряжении, следовало ездить быстро, но при быстром движении снижаются возможности наблюдения. Ведь целью поисков были крохотные осколки глиняной посуды, которые уже тысячу лет пылились и почти сливались с почвой. Обычно археолог идет пешком и смотрит себе под ноги, а тут нужно было угадывать место поисков из кузова быстро мчащейся машины. Несомненно, что много находок было не замечено, но зато мы нащупали новый метод поисков, впоследствии ставший наиболее эффективным способом исследования. По мелким, еле уловимым признакам мы научились угадывать места, где когда-то до нас останавливались хазары и их современники. Бывало, машина пробивается через желтый горячий песок, по бокам песчаные кочки высотой до полуметра, покрытые колючками. Никакого желания остановить машину и сойти на землю нет. Вдруг дорога становится ровной, и по краям ее расстилаются ровные площадки глиняного наплыва такыра, покрытого узором из трещин. Шофер готов дать газ, но я почти интуитивно останавливаю машину, прыгиваю и иду, наклонив голову. Да, есть черепок, потом другой и скоро – целая горсть остатков Средневековья.

Снова мы едем дальше, и долго-долго нет желания опять ходить, уткнувшись носом в землю.

Теперь я знаю, почему там была сделана находка.

Ровная глиняная площадка, растрескавшаяся от жары, – древнее дно озерка или мелкой речки. Там, где была пресная вода, останавливались на отдых и караваны, и пастухи. Там они разбивали по неосторожности горшки и бросали черепки, которые я так старательно искал. Кажется просто, но тогда я этого не соображал, я это только ощущал.

Таких примеров можно было бы привести множество, но принцип остается один. Чтение ландшафта – почти осязаемого географического явления [44] – оказалось самым верным путем археологического поиска. Но научились мы этому делу только в долгой дороге, к описанию которой пора вернуться.

Итак, мы двинулись на север, и через несколько часов после того, как Астрахань осталась позади, заговорил ландшафт. До Енотаевки шла уже знакомая нам суглинистая степь, обрывавшаяся почти отвесно к голубой поверхности Волги, подмывавшей берег.

На другом берегу зеленела пойма, и я невольно вспомнил слова из письма хазарского царя Иосифа: «Страна (наша) не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть (также) в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, садов и парков. Все они орошаются из рек... Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и парки находятся внутри острова» [50, с. 87]. До чего точно было сделано описание! Зеленая пойма, по ландшафту подобная дельте, остров не только потому, что он омывается двумя мощными протоками – Волгой и Ахтубой, но и потому, что это кусочек плодородной земли среди бескрайности степей, пригодных только для кочевников. А в арабской средневековой литературе слово «остров» применялось также к рощам среди степей (как мы говорим – «островки леса») и для всякого ограниченного пространства. Царь Иосиф мог употребить это слово и в том и в другом смысле.

Севернее Волгограда местность стала меняться, Волга текла единым мощным потоком, гладкая степь взбурилась пологими холмами и прорезалась глубокими, поросшими лесом оврагами. Изменился даже воздух: он сделался влажным и резким; в синем куполе неба поплыли рваные тучи. Не было сомнения, что мы попали в другую страну. И верно. В хазарское время здесь бродили загадочные бургасы и воинственные угры, предки венгров, заклятые враги хазар. Можно поверить, что хазарские ханы и цари грозной силой своих наемных войск держали эту местность в относительной покорности, но людям, привыкшим к мягкой, даже несколько пряной природе дельты, эта холмистая, сравнительно холодная страна должна была казаться чужбиной. На каждой стоянке, останавливаясь специально у ручьев, в долинах, на перевалах через холмы, я тщательно искал хазарскую керамику, но не встретил ни одного черепка. Дальше ехать было незачем. От Саратова мы повернули на юго-запад и вернулись в Калмыцкую степь к берегам Сарпинских озер.

Этот путь был выбран не случайно. В запале научной полемики с М. И. Артамоновым академик Б. А. Рыбаков высказал предположение, что именно здесь помещалась столица хазар, «полудикого, хищного, степного, племени» [72, с. 131]. На карте этот тезис выглядел убедительно, но достаточно было приехать на место, чтобы пропали все сомнения – хазарской столицы здесь не было и быть не могло. Ныне Сарпинские озера – мелкие лужи, поросшие камышом, но даже когда климат был более влажным и озера были шире и глубже – они оставались залитыми водой низинами, без твердых берегов, контуры которых менялись от весны к осени. Немногочисленное население еще могло прокормиться в этой местности, но строить здесь город никто бы не стал. И действительно, в низкой зелени лугов между озерами не только городских валов, но даже осколков посуды мы не нашли, несмотря на длительную остановку перед дальнейшим путем на юг.

К берегам Каспийского моря ведут три автомобильные дороги: западная идет по высокой части Калмыкии, через местность с абсолютными отметками выше уровня океана. Там высятся цепочки высоких курганов бронзового века, не имеющих отношения к хазарам; восточная тянется близко от берега Волги, и если бы там было что-нибудь интересное, то оно было бы обнаружено астраханскими археологами. Мы выбрали среднюю, самую прямую дорогу, северный конец которой упирается в берег Волги около села Владимирского, 25 км южнее Енотаевки. Мне казалось логичным, что автомобильная дорога скорее всего пойдет по линии древнего караванного пути, а ведь именно с этого пункта правого берега Волги каждой весной выходил караван хазарского хана, сопровождая его в южные зеленые луга на берегах реки Уг-ру. Если это предположение верно, то, думал я, по обочинам дороги мы найдем следы керамики хазарского времени. Пусть их будет мало, старая и новая дороги не могут совпадать на всем протяжении, но в бескрайней степи это хоть какой-то ориентир. И действительно, через день пути к югу от Сарпинских озер мы нашли первую россыпь фрагментов средневековой дотатарской керамики. Черепки были мелкие, плохонькие, «невыразительные», как говорят археологи; но ведь до сих пор не было ничего.

С этого момента дорога для нас ожила. Она змеилась по песку, поросшему сухими колючками, среди пологих возвышенностей, которые нельзя было назвать даже холмами. Южнее начали попадаться продолговатые лужи соленой воды, обрамленные жидкой, соленой, удивительно едкой грязью. Это началась «область подстепных ильменей» – следы отступления Каспийского моря.

Давно, на заре человеческой культуры, около 15 тыс. лет до н. э., когда воды последнего таявшего ледника стекали через русло Волги, Каспийское море вместило их. Уровень его поднялся до абсолютной отметки плюс метр или около того, т. е. на 29–30 м выше своего теперешнего уровня. Но когда наступила сухая ксеротермическая эпоха, началось отступление моря. Зеркало испарения было огромно, глубины на залитой территории ничтожны, и вода под палящим солнцем превращалась в пар. Море уходило, задерживаясь в лощинах, становив-

шихся солеными озерами. Так возникла «область подстепных ильменей», освоенная человеком в эпоху верхнего палеолита.

На берегу одного из этих соленых озер мы обнаружили находку, оставившую равнодушным меня, но весьма заинтересовавшую моего спутника. Там лежали кремневые отщепы, раздробленные кости и несколько плиток сланца толщиной около 0,5 см, неправильной формы.

Это была типичная палеолитическая стоянка, ничем не замечательная, кроме того что сланцевые плитки были, согласно геологическому определению А. А. Алексина, принесены с Кавказского хребта.

Картина была ясна. Люди шли за отступавшим морем, находя в мелких озерах пищу: рыбу, моллюсков, раков и яйца водоплавающих птиц. Найденный нами материал был столь маловыразителен, что уточнить дату отступления моря было невозможно, но важно было то, что так высоко воды Каспия стояли только в эпоху палеолита, а отнюдь не в интересующий нас исторический период. Аналогичные находки были сделаны нами еще два раза, но они ничего не прибавили к первому выводу, важному лишь для геолога-четвертичника, а отнюдь не для историка средних веков.

Южнее «области подстепных ильменей» расстилается широкая равнина, так называемые Черные земли. Это дно Каспийского моря, обсохшее в доисторический период. С запада его ограничивают отроги Калмыцкой степи, с востока оно плавно переходит в Каспий. Даже береговую линию трудно определить, так как она зависит от направления ветра. Западный ветер отгоняет воду, обнажая дно, восточный пригоняет огромные массы воды, затопляя побережье иногда на добрый десяток километров.

Название «Черные земли» дано этой мрачной равнине из-за того, что зимой здесь выпадает очень мало снега, который смешивается с тонкой пылью и песком.

Однако именно в зимнее время сюда пригоняют на пастбища овец из Дагестана и Калмыкии. Житник и белая полынь, произрастающие в этой волнистой степи, лучший корм для овец, а малое количество снега не препятствует пастбе. В это время равнина оживает, но ненадолго. Летнее солнце выжигает не съеденную овцами траву, и местность превращается в пустыню, затем, осенью, проходят дожди, затопляющие низины и превращающие дороги в грязевые потоки. После дождей степь оживает, и в сентябре овцы снова нагуливают жир, необходимый для того, чтобы перенести нелегкую зиму.

Без Черных земель и примыкающих к ним ногайских степей трудно было бы представить себе экономику прикаспийского скотовода в любую эпоху, но отсутствие источников пресной воды обусловило здесь отсутствие поселений, а тем самым и могильников, потому что близких людей хоронили около своих домов, а не на чужбине, хотя бы и освоенной для скотоводства. С точки зрения археолога, Черные земли были пустыней, очень полезной, но для постоянного пребывания людей непригодной.

Мы ехали ранней осенью и остро ощущали абсолютное безлюдье, полное отсутствие жизни. Только около дороги две находки керамики хазарского времени показали, что и тысячу лет назад через эту равнину проходили люди. Но то, что они не жили в этих местах, было очевидно.

Дальше искать было нечего. Добраться до Терека мы не могли и повернули назад, в Астрахань, теперь уже твердо зная, что если даже хазары владели равнинами Северо-Западного Прикаспия, то жили они в других местах, более приветливых и удобных.

Пустыня

Прохладным, но ясным сентябрьским утром наша машина быстро проехала через мосты волжских протоков и некоторое время мчалась по уже знакомому нам берегу Ахтубы. Затем она повернула на восток, и мы оказались среди широкой равнины восточной дельты. Как она не похожа на центральную дельту! Уменьшение количества воды, несомой Волгой, за последние полтора века превратило эту местность в сухую степь. Орошается она последним непересохшим протоком – Кигачем – мощной рекой, окаймленной ивами и зарослями камыша. Около Кигача еще есть зеленые пятна лугов, но большая часть равнины суха. Между пологими бэровскими буграми, ограничивающими эту равнину с севера, врезаны продолговатые озера, остатки былых протоков Волги, превратившихся в старицы. Эти озера, которые здесь называют «ильмени», солоноваты, так как давно уже перестали быть проточными. Но они были такими, и в доказательство этому мы обнаружили на вершине одного из бэровских бугров большое скопление керамики. Значит, люди, жившие здесь, имели пресную воду. Керамика оказалась принадлежащей двум периодам. Одна часть имела архаические черты и, возможно, относилась к бронзовому веку, а вторая была хорошо знакомая, грубая, лепная керамика из черного теста с дресвой, плохо обожженная, так что прокалились и побурели только поверхности стенок сосуда, а в середине глина осталась черной. Когда рассматриваешь эту керамику в изломе, то она кажется трехслойной, с внутренней черной прокладкой. Таким получается сосуд, обожженный на костре. Такая керамика встречается в Прибайкалье, Казахстане, Туркмении и даже была найдена на Дону при раскопках хазарской крепости Саркел. Она четко датируется VII – X вв., а широкое ее распространение указывает на культурную близость многочисленных тюркских племен, кочевавших в это время по степям Евразийского континента. В VII – X вв. в заволжских степях обитали гузы, и поэтому не было никаких сомнений, что мы нашли их стоянку.

По существу, эта находка была первой, достаточно выразительной и датирующейся за пределами дельты Волги. За ней пошли другие. В полупустыне, прилегающей к дельтовой равнине, около грязевых сопок урочища Азау, гузская керамика стала встречаться часто. На этом плоскогорье навейный песок неглубок, и ветер легко раздувает его до темно-бурой материковой почвы, образуя так называемые котловины выдувания. Почти в каждом выдуве мы находили иногда несколько черепков гузских горшков, а иногда целое скопление их. Видимо, в VII–X вв. эта местность была населенной, а это значит, что вода была неподалеку. Единственным источником могла быть та самая старица, которая сейчас суха, за исключением нескольких солоноватых луж в ее наиболее глубоких местах. Вывод напрашивается сам: в древности, точнее, в хазарское время, протоки Волги были не те, которые мы наблюдаем теперь. Археология подвела нас к проблеме периодов образования ландшафтов, к установлению их абсолютных физико-географических датировок, недостижимому никаким иным путем.

Но задерживаться на полученном выводе мы не могли и не хотели. Осень наступала, а мы еще не осмотрели знаменитые Рын-пески. День прошел в движении на восток по гладкой, укатанной дороге с сумасшедшей скоростью. Мелькнули и скрылись русские села и казахские аулы, в этих местах похожие друг на друга. Очевидно, наличие единого материала для построек и климат, создающий одинаковые для русских и для казахов условия жизни, заставили местных жителей выработать сходный архитектурный стиль. Я отметил это для будущих работ, потому что трудно размышлять, когда холодный встречный ветер сечет лицо, пронизывает насквозь и некуда спрятаться, сидя в открытой машине.

Мы спешили, потому что в людной местности вдоль тракта ждать находок не приходилось, а времени оставалось так мало! Наконец, после ночевки в холодной палатке, машина

повернула на север от села Ганюшкина, и в дымке рассвета мы увидели высокие песчаные гряды, увенчанные аллеями причудливых кустов тамариска.

Ветер стих, и песок лежал спокойно, переливаясь в косых солнечных лучах мерцанием желтого и пепельного жемчуга. То тут, то там над песком возвышались кустики сухой травы – пустыня жила и дышала. Рядом с нашей широкой автомобильной колеей извивалась караванная тропа. Она обходила даже небольшие бугорки, ибо люди, ходившие по ней, берегли силы своих выючных животных. Хотелось знать – кто проложил и поддерживал эту тропу, и на этот вопрос немедленно был получен ответ. Неожиданно среди двух гряд высоких барханов по левой стороне дороги открылась широкая (около 100 м) и длинная (около 200 м) котловина выдувания.

В глубине ее был колодец – яма с обвалившимися краями; вероятно, уже давно никто не пытался достать оттуда воду. Но вокруг колодца и по всей котловине в огромном количестве валялись черепки. Здесь были уже знакомые нам полосатые в изломе «гузы», красные звонкие «татары», серые лощенные «сарматы», нежные тонкостенные черепки из великолепно отмученной глины – эпоха бронзы – и даже стеклянные осколки водочных штофов XVIII в. Тропинка уверенно подводила к колодцу, и теперь стало несомненно, что люди ходили по ней еще в глубокой древности. Дальше дорога шла на север, через казахский поселок Сазды, где был второй колодец, но там такого изобилия находок не было. Встречались отдельные черепки, а остальные, по-видимому, были втоптаны в землю стадами скота.

Перед нами встала новая загадка: почему люди на протяжении тысячелетий предпочитали тащиться от пустого берега Каспийского моря, в этом месте особо мелкого и несудоходного, вместо того чтобы подниматься или спускаться по прекрасной Волге, где и дорога лучше, и воды вдосталь, и где можно двигаться и по реке и по берегу? Найденная нами караванная тропа, очевидно, вела из стран ближневосточной культуры – Ирана, Хорезма – в Великую Пермь (Биармию). За биармийских вождей скандинавские конунги выдавали своих дочерей, да еще считали это за честь. Персидские шахи получали оттуда меха и платили за них великолепными серебряными блюдами, ничтожная часть которых уцелела от губительного времени и хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа [63, 75, 76, 84]. Путь через страну гузов описывал путешественник X в. Ахмед ибн-Фадлан [49, 66]. Дорога, по которой мы ехали, была или та самая, или одна из нескольких, соединявших север с югом. Но почему она пролегла в таком, казалось бы, неудобном месте – вот еще одна проблема, которую мы должны были решить.

Самое простое решение, немедленно принятое нами, было повернуть машину на юг и проследить дорогу по широкой равнине обсохшего каспийского берега, с тем чтобы найти там остатки порта, от которого этот путь начинался. Через несколько часов обратного пути мы выехали из Рын-песков, пересекли неширокую полосу автомобильного тракта и прилегающих к нему полей. Вскоре перед нами замелькали зелень луговин и заросли камыша, вдвое выше человеческого роста. Эта равнина еще 30 лет тому назад была покрыта водой, но уровень моря упал на 3 м, обнажив дно. Тут начались новые неожиданности!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.